

Может, из-за этих вопросов и роюсь я в древних могилах? — Задумчиво рассуждал сам с собою скудельник. — Золото что? Золото — так... Не оно манит. Тайна манит, понимаешь? Охота за грань времен взглянуть. Как жили люди? Зачем? В кого верили? Какие обряды творили? Почему исчезли с земли? Может, оттого и щадят меня демоны, что я не за кладами рыщу, а за истиной?..

Алексей Иванов. «Сердце Пармы»

ВВЕДЕНИЕ

Археологическое изучение погребальных памятников Карелии насчитывает уже более 150 лет. Начиная с 1840-х годов в Великом княжестве Финляндском гуманитарное направление общественно-политической мысли оформилось в движение «национального романтизма», для данного региона проявившегося в особом явлении «карелианизма» — романтического течения, в котором соединялось увлечение историческим прошлым, Карелией и «Калевалой». Его расцвет пришелся на 1890-е годы. Публикация эпоса, осуществленная Э. Леннротом в 1835–1836 годах и в расширенной редакции — в 1849 году, оказала огромное влияние на формирование финской самоидентичности. С этого времени в стране начинается небывалый подъем в литературе, музыке, архитектуре и живописи. В этом процессе проявился интерес к «древностям», что положило начало формированию источниковой базы археологии региона. К примеру, еще до массовых раскопок могильников, осуществленных преимущественно в 1880-е годы Т. Швиндтом, куратор этнографического музея в Университете Хельсинки Н. А. Рейнхольм провел небольшие раскопки на могильнике Ховинсаари Тонтинмяки в Ряйсяля. Данный памятник, на котором позднее, в 1886–1888 годах, Т. Швиндт произвел наиболее крупные раскопки, до настоящего времени является опорным в изучении карельских древностей эпохи Крестовых походов [Scwindt 1893: 51–81; Uino 1997: 290–296; Сакса 2010: 205–210].

Наиболее крупными работами в регионе стали исследования Т. Швиндта в 1885–1888 годах, когда он, получив поддержку от Археологической комиссии, произвел раскопки ряда могильников и укрепленных поселений на Карельском перешейке и Северном Приладожье. Раскопки могильников не только стали первыми масштабными исследованиями памятников

железного века Карелии, но и до недавнего времени были единственными работами такого рода. Сам Т. Швиндт и другие исследователи (А. Европеус, Э. Кивикоски, Н. Клеве, В. Войонмаа, А. М. Талльгрэн, С. И. Кочкуркина, А. И. Сакса) в дальнейшем предпринимали раскопки средневековых грунтовых могильников, но в значительно меньших масштабах. Материалы, полученные Т. Швиндтом в 1885–1888 годах до настоящего времени составляют основу наших знаний не только о погребальном обряде средневековой *корелы* XII–XIV веков, но и о типологии различных категорий инвентаря и периодах их бытования.

В этой связи обращает на себя внимание одно важное обстоятельство — в научных интересах Т. Швиндта значительную роль сыграли место его рождения и годы юности. Он родился в семье врача в поместье Пудория, которое располагалось возле села Ряйсяля (в настоящее время — поселок Мельниково Приозерского района Ленинградской области, точнее, его юго-восточная окраина), находившегося юго-западнее Кексгольма (современный Приозерск), в нижнем течении Вуоксы. Дальнейшая научная деятельность Швиндта была связана с изучением древностей родной округи, прежде всего прихода Ряйсяля, самого Кексгольма, и с примыкающими районами Северо-Западного Приладожья (территории приходов Хиитола и Куркийоки) (рис. 1).

Именно в этих местах в 1880-е годы Т. Швиндт провел археологические исследования и затем опубликовал их в своей докторской диссертации о железном веке Карелии [Schwindt 1893]. Исследователь активно работал и в других регионах: на островах Ладожского озера в районе Сортавалы, в центральной и южной частях Карельского перешейка (приходские центры Пюхьярви (совр. Отрадное), Саккола (совр. Громово), Рауту (совр. Сосново), Муола (совр. Правдино), Валкярви (совр. Мичуринское)). Но это были работы разведочного характера, за исключением, пожалуй, раскопок в Лаппинлахти, на южном берегу озера Суванто (совр. Суходольское), состоявшихся незадолго до его кончины в 1917 году.

В связи с этим представляется уместным посвятить несколько строк методике полевых работ Т. Швиндта. Бесспорно, она не была лишена недостатков, присущих в целом ранним этапам накопления археологических знаний, к которым можно отнести: крайне приблизительное описание места раскопок, затрудняющее его локализацию; отсутствие системы разбивки раскопов; раскопки траншеями, естественно, без просеивания извлекаемого грунта; раскопки за очень короткий промежуток времени (десять погребений могильника Кекомьяки — наиболее богатого археологического комплекса — были произведены за один (!), последний, день экспедиции); отсутствие фотофиксации; отрисовка чертежей в городе по окончании полевых работ на основании приблизительных зарисовок в поле; расхождения в описании комплексов и их чертежах и т. д. Но, пожалуй, основной недостаток заключался в том, что внимание Т. Швиндта, как и любого энтузиаста своего дела, привлекали прежде всего богатые комплексы, содержащие большое количество выразительных бронзовых и серебряных артефактов.

В случае, если могильник сразу не оправдывал надежд на получение выразительного материала, его исследования прекращались, и экспедиция, состоящая из самого Т. Швиндта и двух—трех коллег, перемещалась в другое место [Uino 1997: 28—32]. В результате не было уделено достаточного внимания поселенческим структурам, которые более чем вероятно попадали в площадь раскопа, а также погребальным конструкциям более ранних периодов, не был изучен ни один грунтовый могильник XII—XIV веков полностью или хотя бы в значительной части.

Это заключение имеет важное значение потому, что впоследствии этот методический недостаток так и не был преодолен. В отношении памятников железного века — Средневековья, особенно грунтовых могильников эпохи Крестовых походов, со времен работ Т. Швиндта в карельской археологии сложился своего рода «источниковедческий перекосяк». Уже было отмечено, что он уделял в своей деятельности первостепенное внимание древностям родной округи — Ряйсяля и Кексгольма. В результате, если взглянуть на карту распространения изученных памятников, в первую очередь могильников, наиболее изученным окажется северо-восточный район Карельского перешейка, в меньшей степени — Северо-Западное Приладожье и еще менее — Северное и Северо-Восточное Приладожье. А западная и южная части Карельского перешейка оказываются вовсе лишенными археологических памятников, особенно эпохи Средневековья, за исключением отдельных случайных находок (например, [Сакса 2010: 81, рис. 13]). Это произошло потому, что исследователи последующих поколений ориентировались прежде всего на работы Т. Швиндта и продолжали изучать археологические объекты в тех же местах, где он в свое время проводил раскопки, исходя из собственных задач и принципов исследования.

В период, непосредственно предшествовавший началу Второй мировой войны, археологические исследования на Карельском перешейке и в Северном Приладожье не приобрели системного характера. Часто, когда поступала информация о находках артефактов или человеческих костей, профессиональные археологи не считали нужным начинать раскопки, поскольку, по их мнению, на тот момент сохранности объекта ничего не угрожало. Например, С. Пяльси после проведения обследования на мысу Калмистониemi, у деревни Кюлялахти в приходе Хиитола, в небольшом отчете о результатах писал следующее: «...для памятника нет непосредственной опасности»; «...местные жители, фермеры, не проявляют особого интереса к находкам древних артефактов и не заинтересованы в их специальном поиске. Поэтому данное место следует посещать регулярно, поскольку они не станут информировать Национальный музей о новых находках» (цит. по: [Uino 1997: 36]).

Конечно, тогда никто не мог предположить, насколько драматические события ожидают Финляндию, особенно население Карельского перешейка и Приладожья, в 1939—1944 годах. По Парижскому мирному договору 1947 года эти территории были переданы Советскому Союзу. Местное население уходило в Финляндию за линию новой границы, а в покинутые места направлялись железнодорожные составы с переселенцами из цент-

ральных районов России, Белоруссии, Украины, Казахстана. В археологии Карелии начался новый период, в котором приоритетную роль начинают играть работы советских ученых.

Однако систематические раскопки археологических памятников в первые послевоенные десятилетия также не проводились. Лишь с начала 1970-х годов карельская проблематика стала частью планомерных исследований прибалтийско-финских древностей Ленинградской области и сопредельных регионов специалистами Сектора славяно-финской археологии ЛО ИА АН СССР, образованного в 1974 году. На первых этапах приоритет в изучении был отдан укрепленным поселениям региона. В 1972–1973 и 1975–1976 годах экспедиция ЛО ИА АН СССР под руководством А. Н. Кирпичникова работала на территории города Приозерска в Старой (Корела) и Новой крепостях, в самом городе [Кирпичников 1979: 52–73; Кирпичников 1984: 119–144], на Тиверском городке в 1971 году [Кирпичников 1984: 144–149]. По настоящее время экспедиция ИЯЛИ Карельского научного центра РАН под руководством С. И. Кочкуркиной успешно работает в Северном Приладожье. Последние десятилетия особое внимание уделялось исследованию городищ. Помимо уже упомянутого Тиверска, были произведены раскопки на Паасонвуори, Лопотти Линнамяки в 1971 году, в Соускуа, Хямеенлахти и Линнасаари в 2005–2008 годах [Кочкуркина 2010].

С 1978 года на Карельском перешейке и в Северном Приладожье ведет работы экспедиция ИИМК РАН под руководством А. И. Сакса. Одним из важных результатов исследований стала локализация в современном ландшафте, претерпевшем в течение XX века драматические изменения вследствие активного аграрного использования, археологических объектов, в первую очередь мест грунтовых могильников, изученных в конце XIX века. В процессе полевых исследований А. И. Сакса был сформулирован и успешно реализован новый принцип поиска и изучения археологических памятников железного века — Средневековья. Его смысл заключался в выделении отдельных культурных микрорегионов и изучении составляющих их объектов как единого комплекса, обладающего внутренней структурой и устойчивыми взаимосвязями, на определенном хронологическом срезе. Данный подход позволил найти и изучить синхронные могильникам поселения, культовые объекты (камни с чашевидными углублениями, скопления каменных выкладок), клады и отдельные находки артефактов. Выделенные микрорегионы были определены автором как средневековые поселенческие центры [Сакса 1984: 112–117; Сакса 1998: 157–160]. В итоге к началу XXI века в археологии Карелии железного века — Средневековья в первую очередь благодаря работам С. И. Кочкуркиной, П. Уйно и А. И. Сакса были обобщены результаты исследований более чем полутора столетнего периода, разработана концепция развития культуры населения региона.

Между тем невозможно обойти стороной тот факт, что в основу работ исследователей в конце XX века были положены материалы погребальных памятников как единственной категории археологических объектов, дающей возможность построения дробной хронологии и, соответственно,

периодизации древностей региона. Изученные стратифицированные культурные слои крупных городов — Корелы и Выборга — относятся к более позднему периоду, чем массив карельских грунтовых могильников, а их материальная культура в значительной степени подвержена урбанистической «нивелировке» и стандартизации. Подавляющее же большинство могильников региона было изучено в довоенный период, а основная часть из них благодаря работам Т. Швиндта — в 1880-е годы. Диспропорция в изучении разных категорий археологических памятников была в определенной мере преодолена в 1970–1990-е годы, когда внимание исследователей уделялось изучению городищ, селищ, культовых мест, синхронных могильникам. При этом связать между собой в пространстве и времени эти категории объектов, предложить модель системы расселения на определенный хронологический срез удалось, пожалуй, лишь для окрестностей Лапинлахти (Ольховка).

В итоге для археологии железного века — Средневековья рассматриваемого региона характерна некоторая, если можно так выразиться, мозаичность: существует массив разнохарактерных древностей, который затруднительно организовать в определенную систему, в силу того что памятники либо раскопаны на ненадлежащем методическом уровне, либо не исследованы не полной площадью, либо не раскопаны вообще. Однако в ряде случаев известен факт их существования, чаще всего на основе информации о случайных находках древних вещей или костей. Нужно признать еще один факт: в ряде микрорегионов разведки не проводились или проводились не слишком тщательно.

Ситуация с исследованными могильниками выглядит на настоящий момент следующим образом: по подсчетам П. Уйно, на 1997 год было известно 40 в разной степени изученных могильников, на которых было открыто 186 захоронений. Поскольку были нередки случаи погребения двух и более индивидуумов в одной могильной яме, то общее количество захоронений равняется 210. Из них приблизительно 60 содержали сопроводительный инвентарь (число неточное, поскольку не всегда возможно определить тот или иной комплекс на основе крайне запутанной или неточной полевой документации). Из этого числа чуть больше половины погребений содержали более или менее выразительный инвентарь, пригодный для статистического анализа [Uino 1997: 54]. Проблема заключалась в том, что в послевоенный период ни одного подобного комплекса не было открыто. Кроме того, следует отметить, что могильники локализуются в районе Лапинлахти (Ольховка), южного и северного берегов озера Вуокса (Тонтинмяки и Суотниemi) и (могильники Кеккомьяки и Кулхамьяки) на северном берегу озера Ковериланярви (Богатырское — около 12 км по прямой к северо-западу от могильника Суотниemi).

В Северном Приладожье ни одного подобного погребения не было известно, несмотря на кажущееся обилие отдельных находок. Здесь до недавнего времени наиболее полно раскопанным был могильник Кууппала, на площади которого было обнаружено большое количество артефактов, относящихся в том числе к железному веку — Средневековью, но хорошо сохранившихся могил (закрытых комплексов) с выразительным инвентарем,

сравнимым с раскопанными Т. Швиндтом, нет [Сакса 2010: 246–254]. Отсутствуют они также и в западной части Карельского перешейка, хотя там известны находки карельских артефактов XI–XIII веков, к примеру на территории Выборга [Kivikoski 1973: 116; Kopisto, Paloposki 1967: 27; Тюленев 1995: 16–17], и даже камней с чашевидными углублениями [Бельский 2005: л. 39]. С другой стороны государственной границы, в Финляндии, ситуация с изучением погребальных древностей складывается иным образом: в послевоенный период были изучены могильники Висулахти (34 захоронения), а также Каускила Кааппелинмяки и Укуниэми Паппинниэми [Salo 1957; Laakso 2003: 139–154].

Проблематика железного века — Средневековья Карелии привлекала внимание разных исследователей, реализовывавших различные подходы к изучаемому материалу. Несмотря на несколько крупных обобщающих работ монографического характера, многие вопросы изучения культуры средневековой карелы по-прежнему остаются дискуссионными. Их решение в настоящее время зависит от обнаружения и раскопок археологических памятников на качественно новом методическом уровне.

* * *

Летом 2002 года я работал на раскопках могильника Укуниэми Паппинниэми в Южной Финляндии по приглашению Вилле Лааксо. В один из дней в экспедицию приехала Эва-Риита Майонен, которая тогда работала в музее «Кареликум» в Йоэнсуу. Она пригласила меня участвовать в проекте по поиску археологических памятников в Северном Приладожье. Проект намечался большой, и подготовка к нему заняла долгое время. Лишь весной 2005 года наша группа непосредственно приступила к полевым исследованиям. Основной целью была локализация в современном ландшафте известных археологических памятников железного века — Средневековья, в первую очередь могильников. Но была еще и дополнительная цель — найти могильник, на котором можно было бы перспективно произвести археологические раскопки. Поначалу все увиденные объекты энтузиазма не вызывали. Они были либо в значительной степени разрушены, либо информация о них была невнятной. Наконец, 28 мая 2005 года мы оставили нашу «Ниву» на обочине лесной дороги, понимая, что даже на ней дальше невозможно проехать, прошли несколько километров пешком и поднялись на холм Калмистомяки возле бывшей деревни Кюлялахти, от которой сейчас остались только фундаменты. Это до сих пор, к счастью, очень глухое место. Там нет ни деревень, ни современной коттеджной застройки, ни других признаков неумолимо наступающей цивилизации, а тот протяженный объект, который ведет в сторону памятника, «дорогой» можно назвать лишь условно. Здесь потрясающе красиво — со скалы, загораживавшей наш лагерь со стороны Ладоги, открывается великолепный вид на залив Тиуруланселька, остров Ууконсаари и маленькие острова рядом с ним, а также на место бывшего прихода Тиурула, где с довоенных времен и до сих пор сохранилось большое муниципальное здание.

Я прекрасно помню, как вечером, возвратившись в наш базовый лагерь, на вопрос коллег, нашли ли мы что-нибудь сегодня, я ответил: «Наконец мы нашли то, что так долго искали...» Но окончательной уверенности в этом, конечно, не было. На следующий год нам удалось организовать первые стационарные раскопки на холме Калмистомяки, носившие разведочный характер. Вначале большая экспедиции не была запланирована. Задачи ставились прикладные: необходимо было найти относительно хорошо сохранившийся могильник, понять его характер, время функционирования, сохранность антропологического и, если повезет, археологического материала. И открытые комплексы погребений № 1 и 3 продемонстрировали нам, что в Кюлялахти расположен уникальный по материалу и сохранности археологический комплекс. В 2007–2009 годах были организованы гораздо более масштабные раскопки, в результате которых площадка, где располагался некрополь, была изучена практически полностью.

Экспедиционные работы в Кюлялахти не могли бы состояться без финансовой поддержки Российского гуманитарного научного фонда (*проекты № 07-01-18066е, № 08-01-18022е*), полевой комиссии МАЭ РАН, Санкт-Петербургского научного центра РАН, Карельского культурного фонда (*Suomen Kulttuurirahasto*), Фонда поддержки изучения карельской культуры (*Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö*), Фонда поддержки культуры (*Karjalan Kulttuurirahasto*), Карельского фонда (*Karjalan-Säätiö*), Фонда Хиитола (*Hiitola-Säätiö*) (Финляндия). Также на средства МАЭ РАН были проведены консервационные и реставрационные работы с полученными в ходе полевых исследований материалами. Коллекция находок была передана на постоянное хранение в фонды отдела археологии МАЭ РАН и зарегистрирована под номером 7426.

За это время в экспедиции приняло участие множество людей. Кто-то приезжал на несколько дней, кто-то работал весь период. Автор выражает большую благодарность всем, но особенно признателен В. Лааксо как основному вдохновителю проекта с финляндской стороны; И. Д. Ткаченко (РЭМ), Д. В. Герасимову (МАЭ РАН), М. Хелминену, Ю. Руохонену и А. Хонкала (Университет Турку), Б. Г. Лычу, В. Ю. Соболеву (СПбГУ), И. В. Стасевич, И. Г. Широкову и И. Л. Мармер (МАЭ РАН) — за проявленные самоотверженность и твердость характера; М. В. Медведевой и С. Н. Лисицыну (ИИМК РАН), И. Крюкову, А. Чернову, А. Никиенко, Г. Чугунову, Ю. и М. Раззак — за поддержание здорового и теплого климата в экспедиции; Н. Я. Березиной и Н. А. Суворовой — за внимание к нашим работам; И. К. Михайловой — за понимание. Особая благодарность — В. И. Хартановичу. Большую признательность автор выражает принимавшим участие в работах экспедиции студентам Мурманского государственного университета, Петрозаводского государственного университета и СПбГУ.

Также автор благодарит директора Куркийокского краеведческого центра М. И. Петрову, И. В. Петрова, директора Дома-усадьбы Ларса Сонка Л. Е. Иванову за постоянную поддержку и помощь в любых вопросах.

К нашим работам проявляли внимание и посещали место раскопок: д.и.н. С. И. Кочуркина, д.и.н. А. И. Сакса, к.и.н. А. М. Спиридонов, к.и.н. М. М. Шахнович, С. Н. Титов, к.и.н. Ю. В. Кожевникова, а также к.и.н. Ю. А. Купина и к.и.н. П. И. Погорельский. С финляндской стороны — профессор М. Саарнисто, профессор Ю.-П. Таавитсайнен, Ph.D П. Уйно и Lic Ph. К. Карпелан, М. Сухонен.

На разных этапах подготовки этой книги неоценимой для меня была помощь д.и.н. А. И. Сакса (ИИМК РАН) и к.и.н. Ю. М. Лесмана (Государственный Эрмитаж).

Отдельную благодарность автор выражает реставраторам С. Г. Буршневой, Н. Курганову и О. В. Жмур за сохранение артефактов, а также художнику А. О. Машезерской и фотографу С. Б. Шапиро за подготовку иллюстраций.